

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 479-490
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.479

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ways of Forming National Identity in Children's and Youth Organizations of the Russian Empire in the early 20th century

Ivan A. Bulatov ^{a, *}, Iuliia M. Bystrova ^a

^aYuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russian Federation

Abstract

In the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, the Russian Empire was going through the process of becoming a nation, and the state tried to actively participate in this process, forming a civil nation. To a certain extent, the youth movements that appeared in the country in the first decade of the last century also became the vehicles of this activity. Although all of them arose on a public initiative, patriotic work was carried out in them, which did not contradict the state ideology, although each had its own specifics. The Sokol gymnastic movement, which came from the Czech Republic, stood on the ideas of pan-Slavism, seeing Russia as the leader of Slavic countries, and English scouting promoted the ideas of international brotherhood within this organization. The “children's companies of the military system and gymnastics”, better known as the “poteshnie”, which appeared in Russia and had no contacts with other countries, differed from them. Sokol, as primarily a physical education organization, was least engaged in patriotic education and mainly focused on building a supranational Slavic identity. The Scouts and “poteshnie”, though to varying degrees, paid a lot of attention to patriotism and national unity. The paper specifically examines the methodology of such education and concludes that some of these methods are still relevant today.

Keywords: poteshnie, scouts, Sokol, out-of-school education, national education, the Russian Empire, civic identity, O.I. Pantukhov, A.A. Lutskevich, children's parades.

1. Введение

В XIX в. Европа переживала период становления наций, и Российская империя не была исключением. Под влиянием процессов индустриализации, урбанизации, развития грамотности и появления массовых призывных армий стирались местные отличия и формировалась русская нация. Важно помнить, что она изначально складывалась на имперских, то есть общегражданских (если под гражданской идентичностью тут понимать подданство без гражданских прав, что многими исследователями считается достаточной характеристикой нации (Угрин, 2017: 73-79; Тишков, 2013: 100; Connor, 2004: 43)), а не этнических началах (Хрох, 2000: 14; Миллер, 2006: 157-157). Отечественные педагоги, начиная со второй половины XIX в., также озаботились созданием национальной школы, под которой подразумевалась как её бессословность, так и построение воспитания в ней на национальных культурных основаниях (Ушинский, 1990: 194; Дмитриев, 1913: 1-3; Ковалевский, 1922: 250-251). Ещё одним инструментом для конструирования национальной идентичности становились детско-юношеские движения, которые успели бурно расцвести в России в 1909–1917 гг.: «потешные», скауты и, в меньшей степени, гимнастическое общество «Сокол», работавшее в том числе и с детьми.

Все эти движения были направлены на формирование патриотических установок и придерживались основных принципов «теории официальной народности», хотя интенсивность

* Corresponding author

E-mail addresses: bulatovivan64@gmail.com (I.A. Bulatov), bystrovau@yandex.ru (Iu.M. Bystrova)

идеологической работы у них и разнилась. Фактически они формировали идентичность гражданской нации, пытаясь привить любовь к России и гордость за её историю. Эти задачи актуальны и сегодня, и, в силу этого, изучение методов, использованных ими в процессе деятельности, представляет особый интерес.

2. Материалы и методы

Детские движения Российской империи привлекали к себе значительный интерес общественности и государства, в силу чего до нас дошло много источников по их истории. В частности, им много внимания уделяла пресса. С одной стороны, это журналы, непосредственно отражавшие позицию данных движений, такие как «Потешный» и «Сокол», с другой – периодика, посвящённая общественным и политическим вопросам: журналы «Русский спорт» и «Природа и люди», газеты «Сибирская жизнь», «Уральская жизнь» и «Русский инвалид». Особое место занимают издания этих движений: брошюры (Коницек, 1911; Пантюхов, 1912), методические материалы (Жуков, 1916) и постановления съездов (Скаутизм в России, 1916). К этому же блоку документов примыкают мемуары основателей скаутского (Пантюхов, 1969) и «потешного» (Луцкевич, 1912) движений. Особняком стоят материалы, не относящиеся напрямую к детско-юношеским движениям, но помогающие лучше понять контекст, в котором они развивались, – это работы педагогов (Шацкий, 1962; Шацкая, 1919; Сорока-Росинский, 1991) и философов (Бердяев, 2012; Булгаков, 1993) того времени.

Важный материал также предоставляют неопубликованные источники. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) (Москва, Российская Федерация) хранятся архивные дела военного министерства, включающие преимущественно переписку, касающуюся деятельности «потешного» движения. Российский государственный исторический архив (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) содержит материалы по организации детских парадов в присутствии императора в столице в 1911–1912 гг. Более полную картину о движении «потешных» помогают составить материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), в котором находятся материалы МВД, касающиеся подведомственных ему «потешных», в том числе юных пожарных. Также в работе использовались документы из Государственного архива Саратовской области (ГАСО) (Саратов, Российская Федерация), дополняющие работу данными по детским движениям в Поволжье.

Основополагающим подходом к исследованию стал метод историзма: объект изучения – детско-юношеские движения Российской империи – рассматривается в контексте эпохи, в рамках развития национальной педагогики и общих тенденций эпохи модерна. Также используется историко-генеалогический метод, в рамках которого детские организации анализируются на всех этапах своего развития, а у тех, что пришли из-за рубежа, оценивается влияние, оказанное местом их первоначального формирования. Компаративистский подход позволяет сравнивать методику работы с подростками в разных организациях и выделить общие черты в этой деятельности. Практики, конструирующие национальную идентичность у детей, рассматривались через призму таких подходов, как банальный и экстагический национализмы.

3. Обсуждение

Хотя детские движения поздней Российской империи довольно часто попадают в фокус исследовательского интереса, непосредственно тема конструирования ими национальной идентичности редко становится предметом исследования, равно как и методика такой работы. Традицию изучения «потешничества» и скаутинга в Советском Союзе заложили работы Н.К. Крупской, которая признавала патриотическую направленность этих движений, говоря об этом как о попытке повлиять на подростка: «овладеть его душой, пропитать его духом шовинизма, милитаризма» (Крупская, 1959: 12). В рамках парадигмы, заложенной Н.К. Крупской, советские исследователи критиковали идеологическую направленность скаутизма, перенимая опыт в организации работы и в плане физического развития. После распада СССР стали появляться статьи, менее критические по отношению к детским движениям Российской империи. Из монографий особо следует выделить классическую работу Ю.В. Кудряшова (Кудряшов, 2005), который, с опорой на уникальные источники, анализирует методику работы скаутов, в том числе патриотической направленности, а также обращается к работе движения «потешных», отмечая среди причин его быстрого затухания: «бедность форм и методов работы с детьми» и «национальную и религиозную ограниченность» (Кудряшов, 2005: 30). Обобщающий характер также носит книга И.А. Булатова (Булатов, 2023), в которой анализируется деятельность трёх основных детско-юношеских движений по конструированию национальной идентичности; однако большая часть монографии посвящена такой работе в эмиграции. Патриотическая работа в разных движениях рассматривается в трудах П.А. Меркулова (Меркулов, 2014) и В.Ю. Рылова (Рылов, 2010). Достоинством последней статьи является изучение роли черносотенцев в развитии трёх изучаемых движений. Методы патриотического воспитания у «потешных» на материале Западной Сибири анализируются О.В. Гефнер (Гефнер, 2010). Из статей, посвящённых сокольскому движению, можно выделить работы Н.Н. Качулиной (Качулина, 2017), М.А. Смирнова (Смирнов, 2013) и А.В. Василюк (Василюк, 2014).

4. Результаты

Массовые детско-юношеские движения стали феноменом XX в. и были вызваны к жизни глобальными процессами эпохи модерна. С одной стороны, в городах скопилось много детей с большим ресурсом свободного времени, с другой стороны, процесс формирования наций и гражданского общества, а также появление массовых армий, основанных на принципе всеобщей воинской повинности, требовали особой работы с ними. Характерно, что создание в России детских движений было запущено пожеланием Николая II подготовить массы крестьянской молодёжи к военной службе (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1948). Такая идея могла появиться и раньше, в любой момент после перехода на призывную армию. Однако данная затея менее чем за десять лет закончилась возникновением скаутизма, охватывавшим небольшую часть городской молодёжи и ставившим целью не подготовку к военной службе, а развитие гражданственности и личности своих членов. Допризывная подготовка, в свою очередь, передавалась школам (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1952–1953). Это показывает, что детские движения были сложным инструментом, который плохо годился для простых массовых задач. При этом общественные организации подходили для более тонкой работы, и вместе с развитием личности и гражданского чувства у ребёнка они могли помочь конструировать общую национальную идентичность и патриотизм.

Гимнастическое общество «Сокол» пришло в Россию из Чехии, где появилось в 1862 г. С самого момента своего основания это движение занималось не только физическим развитием своих членов, но и идеологической работой по сплочению чешской нации и укреплению её национального самосознания (Василюк, 2014: 95). Находясь в составе Австро-Венгерской империи и противостоя германизации, чешские соколы делали ставку на панславизм как один из ключевых элементов своей идеологии. Россия, как самое сильное славянское государство, пользовалась у соколов большим авторитетом, отражением чего стало принятие русского национального флага в качестве знамени всего сокольского движения (Качулина, 2017: 68, 70).

В нашей стране ещё с конца XIX в. стали появляться общества, взявшие за основу гимнастическую систему соколов, их терминологию, структуру и методику работы. Но о реальной дате появления соколов в Российской империи у историков нет единого мнения, так как отсутствует определённость в понимании того, какое событие можно считать точкой отсчёта (Булатов, 2023: 57–58). Однако можно констатировать, что к 1907 г. это общество легально работало в Российской империи, пользовалось большой популярностью и с каждым годом вовлекало всё больше членов (Никитин, 1912–1913а: 72; Л.Г., 1912–1913: 121; Качулина, 2017: 67). При этом имела место и постепенная русификация движения: это проявилось в создании Союза русского сокольства (СРС) и внесении в устав этой организации пункта, что после её вступления в Союз славянского сокольства СРС сохраняет за собой полную свободу действий «как русская организация» (Никитин, 1912–1913). На мероприятиях мог исполняться русский сокольский марш, написанный к сокольскому празднику в Санкт-Петербурге в мае 1909 г. (Внутренние известия, 1909). Можно также отметить, что общественность, интересующаяся спортом, осознавала разницу между чешскими и русскими соколами. Так, в статье «Гимнастический пасквиль», вышедшей в журнале «Русский спорт», доктор В.Н. Песков негативно отзываясь о чешских соколах, при этом делая оговорку, что это не относится к их русским коллегам, так как «это – совершенно другое» (Песков, 1910: 15).

Русофильство соколов не могло не импонировать русским патриотическим кругам, которые относились с большим недоверием к немцам и видели в панславистах своих естественных союзников (Несколько слов..., 1912). Возможно, по этой причине они прились по душе черносотенцам, которые в меру своих возможностей поддерживали это движение (Рылов, 2010: 151; Внутренние известия, 1909). При этом среди соколов имел место раскол по вопросу о том, ограничивать ли членство в организации по национальному признаку (Меркулов, 2014: 287, 288). Часть соколов была близка по взглядам к правым, что им припоминали в либеральной прессе. Например, в томской газете «Сибирская жизнь», близкой к кадетам, В. Анучин сначала разбирает идеологию сокольского движения, а потом делает вывод, что «поскольку оно является и националистическим, в условиях русской и тем более сибирской жизни – это дитя мертворожденное» (Анучин, 1912). Для обоснования националистической сути сокольства В. Анучин обращается к брошюре «Сокольство» за авторством С.О. Комничека. И тут он не преувеличивает, хотя надо отметить, что автор не представлял всё движение, а только его часть, стоявшую, вслед за чехами, на позициях этнонационализма. Святополк Осипович Коничек, чех, перебравшийся в Москву в 1899 г. и являвшийся председателем московского отделения всеславянского общества «Славия», был также и видным деятелем московского сокольства. Вышеупомянутая брошюра «Сокольство», увидевшая свет в 1911 г., по сути является апологетикой русского национализма. С.О. Коничек призывал не поддаваться под влияние никаких партий, ни правых, ни левых, а «во имя всенародного блага» бороться с засильем одной партии. Но при этом в его трактовке народ – это этнонациональная, а не гражданская общность; он выступает именно за русское сокольство, а не российское. В идеях создания российского сокольства он видит попытку включить туда польское сокольство, что им не одобряется. Был он и против включения в движение «не сочувствующих идее инородцев» (Коничек, 1911: 22–24), что, пожалуй, не одобрил бы потомок крымских ханов Н.А. Султан-Крым-Гирей, который в 1910 г. стал заместителем главы

новообразованного Союза русского сокольства. С.О. Комничек являлся рупором той части русских соколов, которые были ориентированы на «чистый» чешский вариант. И тут можно согласиться с В. Анучиным, который писал, что чехи у себя на Родине противостоят «пришельцам и угнетателям немцам», в России же русским противостоять некому (Анучин, 1912). По этой причине общий курс данного движения был нацелен на создание общегражданской идентичности, что нашло отражение в постановлении 1-го съезда Союза русского сокольства, где говорилось, что это движение «должно служить одним из элементов спаяния племен Российской империи во имя блага и мощи России, как великого славянского государства» (Коничек, 1911: 27).

Что касается методики работы по конструированию идентичности, то следует признать, что у соколов в большей степени упор делался на славянскую её составляющую. Что проявлялось в форме, приветствии, терминологии (Булатов, 2023: 62-63). Хотя отдельные элементы построения общегражданской идентичности также присутствовали. Например, как на праздниках, так и на обычных тренировках исполнялся гимн, звучала похвала царю и произносилось троекратное «ура» (Вятские соколы, 1910; Смирнов, 2013: 180).

В 1909 г. в Российской империи появляется массовое специализированное детское движение. Первые отряды именовались «классы военного строя и гимнастики», но спустя некоторое время образовалось и прижилось повседневное название «потешные», отразившее сущность вкладываемой в них идеи. Основателем этого движения считается Антиох Андреевич Луцкевич, инспектор народных училищ в Бахмуте. В историографии устоялось мнение, что он начал работу весной 1908 г. Хотя это не совсем верно. В том году он открыл на свои средства показательное училище, а вот весной 1909 г. в нём он создал первый «класс военного строя и гимнастики» (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1948). Незадолго до того, как оказаться в Бахмуте, он занимал аналогичную должность в Одесском градоначальстве (с 1 марта 1906 г.). Однако из-за своих консервативных и черносотенных взглядов он пришёлся не по душе местной либеральной общественности и уже через некоторое время был переведён в Бахмут. Заступничество одесского Союза русских людей, с которым у него сложились хорошие отношения, не помогло отменить это решение (Луцкевич, 1912: 1, 8-9). Этот факт биографии хорошо демонстрирует взгляды А.А. Луцкевича, которые были характерны для основанного им движения в дальнейшем. Хотя скауты в своей работе также занимались патриотическим воспитанием, для многих консерваторов организация, пришедшая из Англии, была подозрительной. А вот придерживавшийся черносотенных взглядов А.А. Луцкевич сомнений не вызывал, что подтверждается поддержкой «потешных» соотвествующими организациями (Рылов, 2010: 153-154; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 48; Размолодин, 2001: 78; В.С.Е., 1911: 21). Перед парадом в Санкт-Петербурге в июле 1911 г. местное отделение Всероссийского Национального Союза предложило взять на себя координацию досуга иногородних «потешных» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 173-174).

При этом черносотенцы не были основными покровителями «потешного» движения. Вместе с остальными общественными организациями, такими как общества трезвости, и частными инициативами отдельных лиц, они шли в фарватере политики властей. Большинство ведомств выпускало циркуляры о необходимости создания «потешных» отрядов. Таким образом основная масса «рот военного строя» создавалась при военных частях и учебных заведениях (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1951-1952), что и определило идеологическую направленность этого движения в духе «уваровской триады».

Военное министерство с первых дней курировало эту деятельность, поэтому на его базе была создана специальная межведомственная комиссия под руководством генерал-лейтенанта Леонида Вильгельмовича Леша. 21 мая 1911 г. эта комиссия представила Совету Министров «Положение о подготовке к военной службе в учебных заведениях и вне их», в котором были сформулированы основные правила устройства «потешного» движения. Так как комиссия не успела закончить работу, то «Положение» затрагивало только работу с детьми вне школ (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1949). Формы патриотического воспитания почти не фигурировали в данном документе. Можно отметить, что единственным разрешённым к использованию детьми был признан государственный триколор (до этого наблюдалось гораздо большее разнообразие). Эта мера обосновывалась тем, что дети в силу возраста не могут полностью осознавать ценность символов, поэтому во избежание возможных случаев их попрания следовало минимизировать их количество. На практике же это был удачный ход в рамках конструирования общей государственной идентичности: с одной стороны, это приучало детей по всей империи собираться под единым государственным флагом, с другой – предупреждало формирование объединений под иными символами, так как подобное могло вести к расколу общества. Примечательно, что немногими недовольными этим решением оказались «потешные» при Союзе русского народа в Одессе, которые просили оставить изготовленное ими знамя, состоящее из триколора, вышитых на нём икон и императорских инициалов (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 48-49об.). После отказа стало понятно, что власти не будут поощрять в воспитательной сфере монархистов больших, чем сам царь. Положение не накладывало никаких ограничений на вступление в отряды по национальному признаку, принимались все «русские подданные». Обучение должно было вестись на русском языке. Как мы видим, формат работы подразумевал именно

общегражданский подход: вовлекались все подданные империи, обучение шло на общегосударственном языке и под государственным флагом.

Что касается практики, то она вполне соответствовала теории. Практически не встречается упоминаний об ограничениях по национальному или религиозному признаку. Один такой случай относится к Одессе, где предлагалось принимать в «потешные организации» только христиан (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 63, 64). Возможно, это связано с уже упоминавшимися контактами «потешных» с черносотенцами в этом городе. Другой случай имел место в Кишиневе, где планировалось собрать «потешных» из еврейских детей (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 132, 133). В труде Ю.В. Кудряшова «Российское скаутское движение» говорится, что вступать в движение могли только православные (с возможностью исключения для мусульман в смешанных регионах) и только «российские подданные» (Кудряшов, 2005: 30), а также ограничивалось вовлечение немцев и евреев. Однако в официальных бумагах встречается только информация о «российских подданных», о чём говорилось выше, что не может считаться серьёзным ограничением. Пример же Одессы не являлся типичным для всей страны. При этом в донесениях из частей империи со смешанным населением регулярно приходила информация об участии в движении детей разных национальностей (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 52об.; 1-й Закаспийский..., 1910: 12; К смотру потешных, 1912; В.С.Е., 1911: 13). В статье В.Ю. Рылова отмечается негодование черносотенцев по поводу «наплыва» еврейских детей в «потешное» движение (Рылов, 2010: 154), что показывает национальную открытость «потешных».

Педагогическая методология «потешных» была достаточно бедна и, как верно отмечает Ю.В. Кудряшов, «особенно это касалось нравственного воспитания», к которому можно отнести патриотическое воспитание, и которое сводилось преимущественно к «нравоучительной беседе», в редких случаях «соединённой с музыкой, пением» (Кудряшов, 2005: 30). Для иллюстрации можно привести в пример «Расписание занятий по военному строю с потешными пригготовительного, I, II, III, (IV и V сборн.) классов Саратовской 1-й мужской гимназии на 1912–1913 гг.». Помимо собственно строевой подготовки, предполагалось проводить в течение учебного года только беседы, а с мая по август – прогулки с объяснением военной теории. Интересен и выбор тем для лекций. В сентябре планировалось затронуть следующие темы: «Значение организации потешных. Титулование Государя Императора и членов Императорской семьи. Дисциплина и её значение». После этого говорили только об устройстве армии. И это было шагом вперёд, так как в предыдущем году были запланированы только занятия военным строем при минимуме теории, а вместо летних прогулок в августе велась подготовка к параду (ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 718. Л. 100об., 120б.). Скорее всего, эти нововведения были связаны с деятельностью флотского комиссара Леша, рекомендовавшей в программе обучения для начальных школ проводить словесные занятия, на которых нужно было рассказать об императоре, Отечестве и его истории, войнах, в которых оно участвовало, и государственных символах (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 796. Л. 15). В Саратове мы видим классическую работу с «потешными», хотя и встречались более привлекательные для молодёжи методы, такие как манёвры, предшественники советских зарниц, или специальная подготовка у пожарных (Юные пожарные, 1910; ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 893. Л. 5-5об.), но это были исключения, не влиявшие на общую картину.

На фоне «потешных» выгодно смотрелись скауты. Эта пришедшая из Англии организация в 1910 г. делала в России первые робкие шаги, а к 1914 г. полностью вытеснила своих предшественников с поля внешкольного воспитания. Можно обозначить две главные причины такого положения вещей. Во-первых, государство осознало, что эффективнее перенести военную подготовку и занятия гимнастикой в школы, это позволяло охватить большие массы детей без нужды их заинтересовывать особыми методами, вследствие чего широкая поддержка «потешных» была свёрнута. Во-вторых, скаутская методика воспитания через игру была гораздо привлекательнее того, что предлагали их предшественники, поэтому в конкуренции общественных организаций, без господдержки, они выглядели предпочтительнее как в глазах детей, так и их родителей.

Слабым местом скаутов в глазах патриотической общественности выглядели их английские корни, поэтому с первых дней предпринимались попытки их «русификации». Сразу после возникновения они стали известны как «юные разведчики», что их в какой-то степени роднило с «потешными», в среде которых существовали, например, юные пожарные (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1952). Основатель русского скаутинга, на тот момент поручик (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26518. Л. 319), Олег Иванович Пантюхов, вспоминал, что в первые дни на скаутов «косо посматривали» и как они с павловским комендантом Сабуровым «тщетно старались придумать более русское название и русские особенности в русской форме» (Пантюхов, 1969: 207). «Тщетно» видимо относится к первоначальной попытке ввести в качестве формы кафтаны и барашковые шапки, однако вскоре выяснилась их непригодность для подвижных игр и жизни на природе, и пришлось возвращаться к английскому варианту одежды. В остальном же адаптироваться получалось. Название, как уже говорилось, было переведено, и первые отряды в Царском Селе, Санкт-Петербурге и Москве в прессе именовались «юными разведчиками», правда, с уточнением, что они работают по системе английского генерала Баден-Пауэлла. Также в дни становления отряда О.И. Пантюхова его жена Нина Михайловна нарисовала эскиз первой русской скаутской медали «Мальчик под деревом». Согласно легенде, за прототип она взяла наследника престола Алексея, которого вполне могла видеть, так как её муж

служил в охранявшем царскую семью лейб-гвардии I-м Стрелковом Его Величества батальоне. Надпись по кругу медали была: «Вера в Бога. Верность Царю. Помощь ближним» (Пантюхов, 1969: 207). Как видно, на первых двух местах стояли элементы «уваровской триады», и только затем шёл один из главных принципов скаутинга.

Апогей русификации пришёлся на момент становления скаутов как организации в 1915–1916 гг., когда проходили 1-й и 2-й съезды по скаутизму. Тут следует отметить, что даже слово «скаутизм» было русифицированной версией калькированного «скаутинга» (scouting). На Первом съезде участники пришли к консенсусу о необходимости заменить заимствованные термины «скаут» и «скаутмастер» на русские аналоги. Иннокентий Николаевич Жуков, секретарь общества «Русский скаут», а позднее один из основоположников пионерии, предложил также переработать книгу основателя движения генерала Баден-Пауэлла с учётом русской специфики и использовать примеры из отечественной, а не английской истории (Скаутизм в России, 1916: 32–33, 73). На Втором съезде тенденция по усилению размежевания с Англией продолжилась: например, 9 скаутских законов у англичан были заменены на Первом съезде на 10 (Скаутизм в России, 1916: 84–85), а на Втором на 12. Что характерно, если у англичан первый закон был «На честь разведчика должны полагаться», то в адаптированной версии первым стал: «Исполнять свой долг перед Богом, Родиной и Государем» (Бахтерев, 2023). Поясняя этот закон, И.Н. Жуков писал в русском пояснении к книге основателя скаутинга Р.С.С. Баден-Пауэлла следующее: «У детей, у которых не потускнела в сердце любовь к матери-матери, так естественно пробуждать любовь к Родине-матери, – любовь к родной природе, к родному языку, к родному народу и его истории» (Баден-Пауль, 1916: 316).

В большинстве своём скауты были настроены патриотично, но при этом аполитично. Можно сказать, что скаутинг стал международной «франшизой» патриотического воспитания. Этот факт отметил и современник, основатель отечественного скаутского движения О.И. Пантюхов, размышлявший после поездки летом 1911 г. к скаутам Голландии и Великобритании о том, как враги во время англо-бурских войн теперь работают по одному методу «над главным стимулом всякой победы – над моральной подготовкой молодежи» (Пантюхов, 1912: 14). Этому не мешала и существовавшая установка на международное скаутское братство. В какой-то степени такой подход перекликается с идеей о национальном и всечеловеческом, разрабатываемой на рубеже прошлого и позапрошлого веков русскими религиозными философами. Согласно этому взгляду, человек для творческой реализации и для того, чтобы стать полноценной частью человечества, должен познать свою национальную культуру и через неё выйти на более высокий уровень (Бердяев, 2012: 107; Булгаков, 1993: 439, 451). На этом пути важно было избежать космополитизма, то есть отрыва от национальных корней, и шовинизма. Нет оснований полагать, что скауты смотрели на своё движение через призму такого подхода, но на протяжении всего своего существования лидеры движения рассуждали о необходимости патриотического, а в эмиграции – и национального воспитания, без скатывания в шовинизм, но при этом и без перехода к «чистой» английской схеме работы, при участии в международном скаутском братстве (Булатов, 2023: 92, 189).

Если говорить о методах конструирования национальной идентичности в детских организациях, то здесь можно выделить работу на нескольких уровнях. Первый, самый очевидный, был отражён в риторике руководителей движения и проводился в первую очередь через беседы и литературу. Скауты, так же как и «потешные», не пренебрегали этим методом работы. Беседа у вечернего костра была отдельным методическим приёмом и активно использовалась. Причём доверительные отношения, складывающиеся во время таких выходов, усиливали эффективность такого общения. Помимо этого, мы можем отметить методы банального и экзотического национализма (в данном случае термин «национализм» означает практики, формирующие и поддерживающие национальную идентичность) (Булатов, 2023: 16). Первым термин «банальный национализм» ввёл в обиход Майкл Биллинг (Billig, 1995). Под банальным национализмом понимаются специально не осмысливаемые практики, которые конструируют и укрепляют национальную идентичность в повседневной жизни: поднятие флага, использование монет с национальным гербом, исполнение гимна и т. д. (Hearn, Antonsich, 2018: 595; Jones, Merriman, 2009: 172). У скаутов это проявлялось как в использовании государственных символов, адаптации законов и литературы, так и в более прикладных аспектах. Например, в резолюции Первого съезда подчёркивалась желательность распространения русских игр, таких как лапта и городки (Скаутизм в России, 1916: 89). Практиковалось пение русских песен. При этом скаутинг, как более гибкое движение, довольно быстро оброс собственными песнями, которые должны были действовать на сплочение групповой идентичности этой организации. А вот «потешные» таковых не создали, поэтому предпочитали военные или народные. В Омске, как пишет историк О.В. Гефнер, патриотическое воспитание шло в том числе через «хоровое пение русской песни и пляски» (Гефнер, 2010: 165). Обучение «национальным и народным песням» рекомендовала и комиссия Леша (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 796. Л. 15). Возможно, на это повлияла поступившая в комиссию выписка из отчёта Войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска, в которой было отмечено: «отсутствие в казачьем обиходе русской народной песни... и таких развивающих игр, как например, танцы и хороводы». В этом месте Николай II сделал пометку: «Печальная картина» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2.

Д. 794. Л. 550б.). Важность пения для формирования национальной идентичности понимало и правительство. Так, в примерных программах обучения, написанных в рамках проекта реформы школы министра Игнатьева, указывалось на целесообразность обучения игре на русских музыкальных инструментах (акцент делался на балалайку), а из трёх отделов обучения светскому пению первыми шли народные песни, а вторыми – патриотические (Материалы..., 1915: 332, 342). Созданное в 1906 г. С.Т. Шацким общество «Сетлемент», занимавшееся досугом детей из бедных семей, также уделяло внимание музыкальному развитию своих подопечных. Жена основателя «Сетлемент» В.Н. Шацкая издала книгу «Музыка в детском саду», где были описаны исполнявшиеся русские детские песни, зачастую написанные на основе народных (Шацкая, 1919). А в 1907 г. детский хор общества готовился поставить маленькую оперу по кантате «Сказание о великом граде Китеже» С.Н. Василенко (Шацкий, 1962: 284). Очень высоко значение народных песен оценивал и выдающийся педагог Виктор Николаевич Сорока-Росинский, писавший о них следующее: «Слушая с колыбели родную песню, ребенок воспитывается в направлении к этим глубоко интимным сторонам души, ... и сливается с жизнью великого целого, нации» (Сорока-Росинский, 1991: 84).

«Потешные», как говорилось выше, так тяготели к национальной и военной символике, что её пришлось ограничить «Положением о подготовке к военной службе в учебных заведениях и вне их». Что касается формы, то до введения «Положения» она не регламентировалась, и дети ходили либо в одежде, принятой в их учебных заведениях, либо в той, которая имитировала форму военных или пожарных частей, при которых создавались потешные роты (Новицкий, 1930: 22; А.П., 1910: 17; Севастопольские..., 1911: 16; ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Ж 295). В ситуации с военными – это должно было создавать связь с воинскими традициями как отдельных подразделений, так и в целом с военной историей России. Для усиления монархического чувства практиковалась раздача портретов Николая II, царевича Алексея и Петра I (Высочайший смотр..., 1911: 2; Парад, 1911: 2; ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 893. Л. 28).

Термин «экстатический национализм» предложил М. Скей для описания влияния на нации массовых торжеств (Skey, 2008: 151). И в данном случае мы сталкиваемся с очень разными подходами у скаутов и «потешных». Юные разведчики в первые годы существования использовали парады для саморекламы, но в целом относились к ним нейтрально, что было закреплено в резолюции Первого съезда по скаутизму, где говорилось о недопустимости участия скаутов в мероприятиях, куда они привлекались «в качестве декоративного элемента» (Скаутизм в России, 1916: 91). У их конкурентов ситуация кардинально отличалась. Можно сказать, что целью тренировок у скаутов в течение учебного года были летние лагеря на свежем воздухе, а у «потешных» итогом работы становились парады: военные, общегражданские и, если очень повезёт, перед императором в Санкт-Петербурге. Дети участвовали в мероприятиях разного уровня: в слободе с населением 30 тыс. человек на торжества выходило 600 мальчиков (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 76, 760б.), в Киеве на встречу царя – 5000 (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 337), а упоминавшиеся выше парады в столице, прошедшие 28 июля 1911 г. и 1 августа 1912 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 688. Л. 84, 292; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 118), собирали около 6 тыс. ребят (К Царскому смотру..., 1911: 1; РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 779. Л. 10), отбираемых со всей страны ведущим специалистом по «потешному» движению полковником С.И. Назимовым (К парад..., 1911: 19; РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 688. Л. 33, 34, 91–93об., 100). Интересно осмысление важности парадов именно в аспекте нацистроительства автором под псевдонимом См-ъ в статье «Задачи потешных». Он писал о «национальном воспитании» и важности для них массовых мероприятий. При этом он понимал проблему достаточно глубоко и высказывался против детей на военных парадах, агитируя за общегражданские манифестации в царские и дни чествования героев (См-ъ. В., 1912: 7).

Направленность обучения «потешных» на подготовку к парадом не осталась незамеченной современниками. За это их критиковали в прессе (Думы и потешные, 1911: 2), что было неудивительно, так как агенты охранного отделения отмечали, что левые общественные круги настроены к движению негативно, а в ряде статей отмечали «глумление» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 12. Д. 297. Л. 4). Данное отношение сохранилось впоследствии и в СССР (Крупская, 1959: 12). Интересно, что и видные чиновники неодобрительно относились к методологическому перекосу в сторону публичных выступлений. Например, Санкт-Петербургский губернатор уже в 1910 г. отмечал, что своей основной задачей руководители «потешных» видели «поверхностную муштровку» к парадом (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 794. Л. 6.).

Детско-юношеские движения в Российской империи существовали достаточно короткий промежуток времени. «Потешные» – фактически с весны 1910 по 1913 г. (хотя Луцкевич начал работу в 1909 г., а отдельные отряды действовали и к моменту начала Первой мировой войны) (Генкель, 1915: 507), то есть с представления императору «роты военного строя» А.А. Луцкевича до передачи задач по подготовке молодёжи к службе школам в 1913 г., а скауты – с 1910 по 1917 г. По этой причине сложно судить об эффективности их работы. Повлиять на революционные события они никак не могли, так как дети, с которыми они работали, были слишком малочисленны, и большинство не успело достичь зрелости к началу этих трагических событий. Определённым показателем может служить участие в Первой мировой войне выходцев из этих движений, однако у нас нет данных о

судьбе членов «потешных», что же касается скаутов, то можно констатировать их патриотический настрой, проявившийся как в участии в боевых действиях, так и в работе в тылу (Булатов, 2023: 102-104; Кудряшов, 2005: 48-49).

5. Заключение

Объективные исторические процессы, протекавшие в Европе и России в XIX в., привели к появлению как современных наций, так и специализированных детских движений. Государство, заинтересованное в сплочении общества в рамках новой общегражданской идентичности, после начала процесса отмирания сословий обратилось и к новому способу работы с детьми. Тем более что патриотически настроенные общественные круги первоначально взяли часть работы с детьми на себя, а с 1913 г., когда функции «потешных» по военной подготовке и физическому развитию передали в школы, вся внешкольная работа с детьми стала общественной.

На фоне происходивших в России и мире событий (революционные волнения, рост милитаризма и войны) детско-юношеские движения не могли не усилить патриотический компонент в воспитательной деятельности, а вследствие этого и деятельность по укреплению национальной идентичности, которая в то время трактовалась в имперском смысле слова «русскость». По этой причине национальных ограничений на вступление детей в организации не было, хотя на местах и шла полемика по этому вопросу (особенно у соколов и «потешных»).

Методы такой работы в основном сводились к беседам на соответствующие темы, в том числе и монархической направленности, а также практикам банального национализма через оказание уважения государственным символам и включение их в свою атрибутику. Для «потешных» и соколов были ещё характерны элементы экстаического национализма: участие в парадах и публичные выступления являлись важной частью их деятельности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00156, <https://rscf.ru/project/24-28-00156/>.

Литература

- 1-й Закаспийский..., 1910 – 1-й Закаспийский потешный полк // *Потешный*. 1910. № 4. С. 12-13.
 А.П., 1910 – А.П. Кронштадтский детский батальон // *Потешный*. 1910. № 5. С. 15-17.
 Анучин, 1912 – Анучин В. О сокольстве // *Сибирская жизнь*. 1912. № 101. С. 4.
 Баден-Пауль, 1916 – Баден-Пауль Р. Юный разведчик. Пг.: т-во В.А. Березовский, 1916. 334 с.
 Бахтерев, 2023 – Бахтерев Д.В. Российское разведчество сквозь призму эволюции скаутских законов // *Научные высказывания*. 2023. №22 (46). С. 26-32.
 Бердяев, 2012 – Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
 Булатов, 2023 – Булатов И.А. Национальное воспитание в русских детских организациях первой половины XX в. Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2023. 456 с.
 Булгаков, 1993 – Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах Т. 2. Избранные статьи. М.: Издательство «Наука», 1993. 603 с.
 Василюк, 2014 – Василюк А.В. Становление личности Мирослава Тырша – основателя чешского «сокола» // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 2 (28). С. 94-96.
 Внутренние известия, 1909 – Внутренние известия. Санкт-Петербург // *Русский инвалид*. 1909. № 87. С. 2.
 В.С.Е., 1911 – В.С.Е. «Потешные» в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1911. № 11. С. 9–25.
 Высочайший смотр..., 1911 – Высочайший смотр потешным // *Уральская жизнь*. 1911. № 164. С. 2.
 Вятские соколы, 1910 – Вятские соколы // *Вятская речь*. 1910. № 172. С. 3.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 ГАСО – Государственный архив Саратовской области.
 Генкель, 1915 – Генкель Г.Г. Мои юные разведчики // *Природа и люди*. 1915. № 32. С. 505-507.
 Гефнер, 2010 – Гефнер О.В. Военные и патриотическое воспитание молодёжи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // *Вестник Омского университета*. 2010. № 2(56). С. 162-172.
 Дмитриев, 1913 – Дмитриев Н.В. Национальная школа. СПб., 1913. 186 с.
 Думы и потешные, 1911 – Думы и потешные // *Уральская жизнь*. 1911. № 147. С. 2.
 К параду..., 1911 – К параду потешных войск // *Потешный*. 1911. № 17–18. С. 19.
 К смотру потешных, 1912 – К смотру потешных // *Русский спорт*. 1912. № 31. С. 6.
 К Царскому смотру..., 1911 – К Царскому смотру потешных // *Потешный*. 1911. № 20. С. 1.
 Качулина, 2017 – Качулина Н.Н. Исторические условия распространения сокольского движения в Российской Империи // *Научный альманах*. 2017. № 4–2 (30). С. 66-70.
 Ковалевский, 1922 – Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк: Союз «Единство Руси», 1922. 333 с.

- Кони́чек, 1911 – Кони́чек С.О. Сокольство. М.: Славия, 1911. 29 с.
- Крупская, 1959 – Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 10 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957–1963. Т. 5. 1959. 688 с.
- Кудряшов, 2005 – Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2005. 598 с.
- Л.Г., 1912–1913 – Л.Г. Заграничные известия. Статистика сокольства // *Сокол*. 1912–1913. № 6–7. С. 121.
- Луцкевич, 1912 – Луцкевич А.А. Бахмутские «потешные». Бахмут, 1912. 62 с.
- Материалы..., 1915 – Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Пг.: Сенатская тип., 1915. 547 с.
- Меркулов, 2014 – Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Орел: ОФ РАНХиГС, 2014. 488 с.
- Миллер, 2006 – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического развития. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Несколько слов..., 1912 – Несколько слов по поводу статьи г. Тарасова «Гимнастика» // *Русский спорт*. 1912. № 33. С. 4.
- Никитин, 1912–1913 – Никитин Л. Известия сокольских обществ // *Сокол*. 1912–1913. № 2. С. 37.
- Никитин, 1912–1913а – Никитин Т.Р. Идеалы сокола и задачи сокольских организаций // *Сокол*. 1912–1913. № 4–5. С. 70–72.
- Новицкий, 1930 – Новицкий Е. Страничка из истории скаутизма // *Часовой*. 1930. № 35. С. 22–23.
- Пантюхов, 1912 – Пантюхов О.И. В гостях у бой-скаутов. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1912. 14 с.
- Пантюхов, 1969 – Пантюхов О.И. О днях былых. Maplewood, NJ, 1969. 315 с.
- Парад, 1911 – Парад // *Уральская жизнь*. 1911. № 165. С. 2.
- Песков, 1910 – Песков В.Н. Гимнастический пасквиль // *Русский спорт*. 1910. № 34. С. 15.
- Размолодин, 2001 – Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль: Александр Рутман, 2001.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рылов, 2010 – Рылов В.Ю. Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2010. № 7 (78). С. 150–158.
- Севастопольские..., 1911 – Севастопольские потешные роты // *Потешный*. 1911. № 10. С. 16–17.
- Скаутизм в России, 1916 – Скаутизм в России. Труды первого съезда по скаутизму. Пг.: об-во «Русский скаут», 1916. 128 с.
- См-ъ. В., 1912 – См-ъ. В. Задачи потешных // *Русский спорт*. 1912. № 50. С. 6–7.
- Смирнов, 2013 – Смирнов М.А. Сокольская гимнастика как феномен развития физической культуры на территории Российской империи в начале XX века // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. 2013. № 4–3(80). С. 178–180.
- Сорока-Росинский, 1991 – Сорока-Росинский В.Н. Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1991. 239 с.
- Тишков, 2013 – Тишков В.А. Российский народ. Теория и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
- Угрин, 2017 – Угрин И.М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М.: ИФ РАН, 2017. 106 с.
- Ушинский, 1990 – Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. М.: Педагогика, 1988–1990. Т. 1. 1988. 414 с.
- Хрох, 2000 – Хрох М. Ориентация в типологии // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 9–24.
- ЦГАКФФД СПб – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.
- Шацкий, 1962 – Шацкий С.Т. Педагогические сочинения: в 4 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962–1964. Т. 1. 1962. 503 с.
- Шацкая, 1919 – Шацкая В.Н. Музыка в детском саду. М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1919. 40 с.
- Юные пожарные, 1910 – Юные пожарные // *Потешный*. 1910. № 1. С. 16.
- Billig, 1995 – Billig M. Banal nationalism. London: Sage, 1995. 200 p.
- Bulatov, Kovaleva, 2024 – Bulatov I., Kovaleva D. The formation of civic identity in the “poteshnie” movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 1 // *Bylye Gody*. 2024. 19(4). Pp. 1946–1957.
- Connor, 2004 – Connor W. The timelessness of nations // *Nations and Nationalism*. 2004. 10(1–2). Pp. 35–47.

- Hearn, Antonsich, 2018 – Hearn J., Antonsich M. Theoretical and methodological considerations for the study of banal and everyday nationalism // *Nations and Nationalism*. 2018. 24 (3). Pp. 594-605.
- Jones, Merriman, 2009 – Jones R., Merriman P. Hot, banal and everyday nationalism: Bilingual road signs in Wales // *Political Geography*. 2009. 28 (3). Pp. 164-173.
- Skey, 2008 – Skey M. "Carnivals of Surplus Emotion?" Towards an Understanding of the Significance of Ecstatic Nationalism in a Globalising World // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008. 6 (2). Pp. 143-161.

References

- 1-i Zakaspiiskii..., 1910 – 1-i Zakaspiiskii poteshnie polk [1st Transcaspiian Poteshnyi Regiment]. *Poteshnie*. 1910. 4: 12. [in Russian]
- A.P., 1910 – A.P. (1910). Kronshtadtskii detskii batal'on [Kronstadt Children's Battalion]. *Poteshnie*. 5: 15-17. [in Russian]
- Anuchin, 1912 – Anuchin, V. (1912). O sokol'stve [About sokol's]. *Sibirskaya zhizn'*. 101: 4. [in Russian]
- Baden-Paul', 1916 – Baden-Paul', R. (1916). Yunyi razvedchik [Young scout.]. Petrograd: t-vo V.A. Berezovskii, 334 p. [in Russian]
- Bakhterev, 2023 – Bakhterev, D.V. (2023). Rossiiskoe razvedchestvo skvoz' prizmu evolyutsii skautskikh zakonov [Russian intelligence through the prism of the evolution of scouting laws]. *Nauchnye vyskazyvaniya*. 22(46): 26-32. [in Russian]
- Berdyayev, 2012 – Berdyayev, N.A. (2012). Filosofiya neravenstva. [Philosophy of Inequality]. M.: Institut russkoj tsivilizatsii. 624 p. [in Russian]
- Billig, 1995 – Billig, M. (1995). Banal nationalism. London: Sage. 200 p.
- Bulatov, 2023 – Bulatov, I.A. (2023). Natsional'noe vospitanie v russkikh detskikh organizatsiyakh pervoi poloviny XX v. [National education in Russian children's organizations of the first half of the XX century]. Saratov. 456 p. [in Russian]
- Bulatov, Kovaleva, 2024 – Bulatov, I., Kovaleva, D. (2024). The formation of civic identity in the "poteshnie" movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 1. *Bylye Gody*. 19(4): 1946-1957.
- Bulgakov, 1993 – Bulgakov, S.N. (1993). Sochineniya v dvukh tomakh [Works in two volumes]. T. 2. Izbrannye stat'i. M.: Izdatel'stvo Nauka. 603 p. [in Russian]
- Connor, 2004 – Connor, W. (2004). The timelessness of nations. *Nations and Nationalism*. 10(1–2): 35-47.
- Dmitriev, 1913 – Dmitriev, N.V. (1913). Natsional'naya shkola [National School]. SPb. 186 p. [in Russian]
- Dumy i poteshnie, 1911 – Dumy i poteshnie [Thoughts and poteshnie]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 147: 2. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
- GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [The State Archive of the Saratov region].
- Genkel', 1915 – Genkel', G.G. (1915). Moi yunye razvedchiki [My young scouts]. *Priroda i lyudi*. 32: 505-507. [in Russian]
- Gefner, 2010 – Gefner, O.V. (2010). Voennyeipatrioticheskoe vospitanie molodezhi v nachale XX v.: «poteshnoe» dvizhenie v gorodakh Zapadnoi Sibiri [Military and patriotic education of youth at the beginning of the XX century: the "poteshnoe" movement in the cities of Western Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2(56): 162-172. [in Russian]
- Hearn, Antonsich, 2018 – Hearn, J., Antonsich, M. (2018). Theoretical and methodological considerations for the study of banal and everyday nationalism. *Nations and Nationalism*. 24(3): 594-605.
- Jones, Merriman, 2009 – Jones, R., Merriman, P. (2009). Hot, banal and everyday nationalism: Bilingual road signs in Wales. *Political Geography*. 28(3): 164-173.
- K paradu..., 1911 – K paradu poteshnykh voisk [To the parade of poteshnie troops]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 19. [in Russian]
- K smotru poteshniekh, 1912 – K smotru poteshniekh [To the show of poteshnie]. *Russkii sport*. 1912. 31: 6. [in Russian]
- K Tsarskomu smotru..., 1911 – K Tsarskomu smotru poteshnykh [For the Royal review of the poteshnie]. *Poteshnyi*. 1911. 20: 1. [in Russian]
- Kachulina, 2017 – Kachulina, N.N. (2017). Istoricheskie usloviya rasprostraneniya sokol'skogo dvizheniya v Rossiiskoi Imperii [Historical conditions for the distribution of the Sokolsky movement in the Russian Empire]. *Nauchnyi al'manakh*. 4-2(30): 66-70. [in Russian]
- Kovalevskii, 1922 – Kovalevskii, P.I. (1922). Russkii natsionalizm i natsional'noe vospitanie v Rossii. [Russian nationalism and national education in Russia]. N'yu-York: Soyuz Edinstvo Rusi. 333 p. [in Russian]
- Konichek, 1911 – Konichek, S.O. (1911). Sokol'stvo [Sokol movement]. M.: Slaviya. 29 p. [in Russian]
- Krupskaya, 1959 – Krupskaya, N.K. (1959). Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays.]: V 10 v. Moskva: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1957–1963. V. 5. 688 p. [in Russian]
- Kudriashov, 2005 – Kudriashov, Yu.V. (2005). Rossiiskoe skautskoe dvizhenie [Russian scout movement]. Arkhangelsk. 593 p. [in Russian]

- L.G., 1912–1913** – *L.G.* (1912–1913). *Zagranichnye izvestiya. Statistika sokol'stva* [Foreign news. Sokol statistics]. *Sokol*. 6–7: 121. [in Russian]
- Lutskevich, 1912** – *Lutskevich, A.A.* (1912). *Bahmutskie «poteshnie»* [Bahmut's poteshnie]. *Bakhmut*. 62 p. [in Russian]
- Materialy..., 1915** – *Materialy po reforme srednei shkoly: Primernye programmy i ob"yasnitel'nye zapiski, izdannye po rasporyazheniyu g. Ministra narodnogo prosveshcheniya* [Materials on the reform of secondary schools: Model programs and explanatory notes, published by order of the Minister of Public Education]. Petrograd: Senatskaya tip. 1915. 547 p. [in Russian]
- Merkulov, 2014** – *Merkulov, P.A.* (2014). *Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XXI v.)* [Historical experience of development and implementation of state youth policy in Russia (second half of the 19th – beginning of the 21st centuries)]. Orel: OF RANKhiGS. 488 p. [in Russian]
- Miller, 2006** – *Miller, A.I.* (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo razvitiya* [The Romanov Empire and nationalism: an essay on the methodology of historical development]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p. [in Russian]
- Neskol'koslov..., 1912** – *Neskol'ko slov po povodu stat'i g. Tarasova «Gimnastika»* [A few words about Mr. Tarasov's article "Gymnastics"]. *Russkii sport*. 1912. 33: 4. [in Russian]
- Nikitin, 1912–1913** – *Nikitin, L.* (1912–1913). *Izvestiya sokol'skikh obshchestv* [News of Sokol Societies]. *Sokol*. 2: 37. [in Russian]
- Nikitin, 1912–1913a** – *Nikitin, T.R.* (1912–1913). *Idealy sokola i zadachi sokol'skikh organizatsii* [The ideals of Sokol and the tasks of Sokol organizations]. *Sokol*. 4-5: 70-72. [in Russian]
- Novitskii, 1930** – *Novitskii, E.* (1930). *Stranichka iz istorii skautizma* [A page from the history of scouting]. *Chasovoi*. 35: 22-23.
- Pantyukhov, 1912** – *Pantyukhov, O.I.* (1912). *V gostyax u boj-skautov* [Visiting the boy scouts]. Maplewood, NJ. SPb.: tip. Gl. upr. udelov. 14 p. [in Russian]
- Pantyukhov, 1969** – *Pantyukhov, O.I.* (1969). *O dnyakh bylykh* [About the days gone by]. Maplewood, NJ. 315 p. [in Russian]
- Parad, 1911** – *Parad* [Parade]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 165: 2. [in Russian]
- Peskov, 1910** – *Peskov, V.N.* (1910). *Gimnasticheskii paskvil'* [Gymnastic libel]. *Russkii sport*. 34: 15. [in Russian]
- Razmolodin, 2001** – *Razmolodin, M.L.* (2001). *Chernosotennoe dvizhenie v Yaroslavle i guberniyakh Verkhnego Povolzh'ya v 1905–1915 gg.* [The Black Hundred movement in Yaroslavl and the Upper Volga provinces in 1905–1915]. Yaroslavl': Aleksandr Rutman. 247 p. [in Russian]
- RGVIA** – *Rossiiskii Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian state military historical archive].
- RGIA** – *Rossiiskii gosudarstvennyi storicheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archive].
- Rylov, 2010** – *Rylov, V.Yu.* (2010). *Patrioticheskie voenno-sportivnye organizatsii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii nachala XX veka* [Patriotic and military-sports organizations in the socio-political life of Russia at the beginning of the XX century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7(78): 150-158. [in Russian]
- Sm. V., 1912** – *Sm. V.* (1912) *Zadachi poteshnykh* [Poteshnie tasks]. *Russkii sport*. 50: 6-7. [in Russian]
- Sevastopol'skie..., 1911** – *Sevastopol'skie poteshnie rot'y* [Sevastopol poteshnie companies]. *Poteshnyi*. 1911. 10: 16. [in Russian]
- Skautizm v Rossii, 1916** – *Skautizm v Rossii. Trudy pervogo s"ezda po skautizmu* [Scouting in Russia: Proceedings of the First Congress of Scouting]. Petrograd: ob-vo «Russkii skaut». 1916. 128 p. [in Russian]
- Smirnov, 2013** – *Smirnov, M.A.* (2013). *Sokol'skaya gimnastika kak fenomen razvitiya fizicheskoi kul'tury na territorii Rossiiskoi imperii v nachale XX veka* [Sokol gymnastics as a phenomenon of the development of physical culture in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva*. 4–3(80): 178-180. [in Russian]
- Soroka-Rosinskii, 1991** – *Soroka-Rosinskii, V.N.* (1991). *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical essays]. M.: Pedagogika. 239 p. [in Russian]
- Tishkov, 2013** – *Tishkov, V.A.* (2013). *Rossiiskii narod. Teoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian people. The theory and meaning of national identity]. M.: Nauka, 649 p. [in Russian]
- Ugrin, 2017** – *Ugrin, I.M.* (2017). *Rossiiskaya gosudarstvennost' i imperskaya paradigma: filosofskii analiz* [Russian statehood and the imperial paradigm: a philosophical analysis]. M.: IF RAN. 106 p. [in Russian]
- Ushinskii, 1988** – *Ushinskii, K.D.* (1988). *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical essays]: v 6 v. Moskva: Pedagogika, 1988–1990. V. 1. 414 p. [in Russian]
- Shatskii, 1962** – *Shatskii, S.T.* (1962). *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical essays]: v 4 v. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1962–1964. V. 1. 503 p. [in Russian]
- Shatskaya, 1919** – *Shatskaya, V.N.* (1919). *Muzyka v detskom sadu* [Music in kindergarten]. M.: Vseros. tsentr. soyuz potreb. o-v. 40 p. [in Russian]

- Skey, 2008** – Skey, M. (2008). “Carnivals of Surplus Emotion?” Towards an Understanding of the Significance of Ecstatic Nationalism in a Globalising World. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 6(2): 151.
- TsGAKFFDSPb** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Film and Photo Documents of St. Petersburg].
- Vasilyuk, 2014** – Vasilyuk, A.V. (2014). Stanovlenie lichnosti Miroslava Tyrsha – osnovatelya cheshskogo «sokola» [The development of Miroslav Tyrš, the founder of the Czech "Sokol"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2(28): 94-96. [in Russian]
- Vnutrennie izvestiya, 1909** – Vnutrennie izvestiya. Sankt-Peterburg [Internal news. St. Petersburg]. *Russkii invalid*. 1909. 87: 2.
- V.S.E., 1911** – V.S.E. (1911). «Poteshnie» v Sibiri ["Poteshnie" in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 11: 9-25. [in Russian]
- Vyatskie sokoly, 1910** – Vyatskie sokoly [Vyatka sokols]. *Vyatskaya rech'*. 1910. 172: 3. [in Russian]
- Vysochaishii smotr..., 1911** – Vysochaishii smotr poteshnym [The highest review of the poteshnie]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 164: 2. [in Russian]
- Yunye pozharnye, 1910** – Yunye pozharnye [Young firefighters]. *Poteshnyi*. 1910. 1: 16. [in Russian]

Пути формирования национальной идентичности в детско-юношеских организациях Российской империи в начале XX века

Иван Александрович Булатов^а*, Юлия Михайловна Быстрова^а

^аСаратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. Российская империя переживала процесс становления нации, и государство старалось активно участвовать в этом процессе, формируя гражданскую нацию. Проводниками этой деятельности в определённой степени стали и детско-юношеские движения, появившиеся в стране в первое десятилетие прошлого века. Все они возникли по общественной инициативе, в них велась патриотическая работа, не противоречащая государственной идеологии, хотя и в каждом была своя специфика. Гимнастическое движение «Сокол», пришедшее из Чехии, стояло на идеях панславизма, видя в России лидера славянских стран, а английский скаутинг пропагандировал идеи международного братства внутри данной организации. От них отличались «детские роты военного строя и гимнастики», более известные как «потешные», появившиеся в России и не имевшие контактов с другими странами. При этом «Сокол», как, прежде всего, физкультурная организация, в наименьшей степени занимался патриотическим воспитанием и в основном сосредотачивался на выстраивании наднациональной славянской идентичности. Скауты же и «потешные», хотя и в разной степени, уделяли патриотизму и сплочению нации много внимания. В работе особо рассматривается методика такого воспитания и делается вывод об актуальности части этих методов и сегодня.

Ключевые слова: потешные, скауты, Сокол, внешкольное воспитание, национальное воспитание, Российская империя, гражданская идентичность, О.И. Пантюхов, А.А. Луцкевич, детские парады.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bulatovivan64@gmail.com (И.А. Булатов), bystrovau@yandex.ru (Ю.М. Быстрова)